

Василий Ян

БАТЫЙ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я60

Художественное оформление серии
«Классическая и Современная литература» *Николая Ткача*

Оформление серии «Всемирная литература (с картинкой)»
Натальи Ярусовой

В оформлении переплета использованы фрагменты миниатюры
из летописи XVI века с изображением пожара во Владимире
во время Батыева нашествия в 1238 году

Ян, Василий Григорьевич.
Я60 Батый / Василий Ян. — Москва : Эксмо, 2023. —
512 с.

ISBN 978-5-04-177848-4 (Классическая и Современная
литература)

ISBN 978-5-04-177846-0 (Всемирная литература
с картинкой)

Во второй книге знаменитой трилогии Василия Григорьевича Яна (1874—1954), «Батый», описывается поход монгольского войска на Русь. Это полная интриг, захватывающая, но трагическая история о том, как города-крепости Рязань, Москва и Владимир пали под натиском несметных полчищ завоевателей, несмотря на ожесточенное сопротивление.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-177848-4
ISBN 978-5-04-177846-0

© Ян. В. Наследники, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

*Светлой памяти
незабвенной жены моей Марии Ян
посвящается эта книга,
последняя, над которой мы вместе работали.*

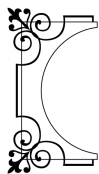
В. Ян

Читатель! В этой повести будут показаны «беззаветная доблесть человека и коварное злодейство; отчаянная борьба за свободу и жестокое насилие; подлое предательство и верная дружба; будет рассказано, как безмерно страдали обитатели покоряемых стран, когда через их земли проходили железные отряды Бату-хана, которого, как щепку на гребне морской волны, пронесла лавина сотен тысяч всадников и опустила на берегу великой реки Итиль, где этот смуглый узкоглазый вождь основал могущественное царство Золотой Орды».

Из «Записок Хаджи Рахима»

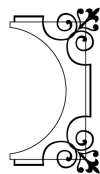
«...Итак, отправимся в далекий путь, в неведомые страны, где и завтрашний день, и сегодняшний, и послезавтрашний принесут тебе, читатель, то, чего ты еще не знаешь».

Из старинной арабской повести

Часть I

ЗАВЕЩАНИЕ ЧИНГИСХАНА

Если бы горе всегда дымилось, как огонь,
То дымом окутался бы весь мир.

Шахид из Балха, IX век

ГЛАВА I

В ХИЖИНЕ ВОСТОЧНОГО ЛЕТОПИСЦА

По узкому листу бумаги быстро водила тростинкой смуглая сухая рука. Факих¹ читал вполголоса возникавшие одна за другой строки, начертанные арабской вязью.

В хижине было тихо. Монотонному голосу факиха вторило однообразное шуршание непрерывного дождя, падавшего на камышовую крышу.

«...Расспрашивая всех знающих, я хотел узнать о завещании Чингисхана². Но несчастье обрушилось на меня. В Бухаре я был схвачен святыми имамами³.

¹ Факих — ученый, начитанный, законовед.

² Чингисхан (1155—1227) — монгольский полководец, крупнейший азиатский завоеватель и создатель империи, простиравшейся от Кореи до Черного моря. Передовые отряды войска Чингисхана под начальством Джебэ и Субудай-багатура (упоминаемого в настоящей повести) дошли до берегов Днепра, где встретились с русскими и половецкими войсками. Монголы стали отступать до Азовского моря, где близ реки Калки произошла битва (1224), в которой русско-половецкое войско было разбито. Это наступление Джебэ и Субудай-багатура было предварительной разведкой, сделанной по приказу Чингисхана, задумавшего поход на Запад для завоевания всей Европы. План Чингисхана отчасти выполнил его внук Батый, дошедший со своим войском до берегов Адриатического моря. Вторжение Чингисхана в Среднюю Азию (1220—1225) описано в первой книге настоящей трилогии.

³ Имам — мусульманское духовное лицо.

Заявив, что я великий грешник, не почитающий Аллаха, они заперли меня в гнусной, низкой железной клетке. Ползая в ней на четвереньках, как гиена, я не мог выпрямиться. Одежда на мне истлела, и я связывал концы прорех. Раз в день тюремный сторож наливал в мою деревянную плошку мутную воду, но чаще забывал об этом. Иногда он приводил скованного раба, и тот, ругаясь, скоблил крюком грязный пол моей клетки. Подходили родственники других заключенных и со страхом заглядывали ко мне — ведь я был "проклятый святыми имамами", "осужденный на гибель вечную и теперь и после смерти, где огонь будет его жилищем..."»

Факих поправил нагоревший фитиль глиняной свечки и продолжал читать:

«Однажды я заметил, что возле клетки, не боясь насмешек и проклятий, стоит девушка из презираемого кипчаками бродячего племени огнепоклонников — люли. Она положила мне горсть изюма и орехов и отбежала. На другой день она явилась снова, закутанная в длинную, до земли, черную шаль. Девушка бесшумно проскользнула вдоль тюремной стены и принесла мне лепешку и кусок дыни. Потом, ухватившись смуглыми пальцами в серебряных кольцах за прутья клетки, она долго, пристально разглядывала меня черными непроницаемыми глазами и тихо прошептала:

— Помолись за меня!

Я подумал, что она смеется, и отвернулся. Но на следующий день она снова стояла возле клетки и опять настойчиво повторяла:

— Помолись за меня, чтобы вернулся мой воин, мое счастье!

— Я не умею молиться, да и к чему? Ведь я проклят святыми имамами!

— Имамы хуже лукавого Иблиса¹. Они раздуваются от злобы и важности. Если они тебя прокляли, значит, ты праведник. Попроси милости Аллаха и для меня, и для того, кто далеко.

Я обещал исполнить ее просьбу. Девушка приходила еще несколько раз. Для ее утешения я говорил, что повторяю по ночам девятью девять раз молитвы, приносящие счастье².

Однажды девушка — ее звали Бент-Занкиджá — пришла с юношей, не знающим улыбки. У него были черные кудри до плеч, серебряное оружие и желтые высокие сапоги на острых каблуках. Он молча посмотрел на меня и повернулся к девушке:

— Да, это он... не знающий лукавства... Я помогу ему!

Мы долго глядели в глаза друг другу. Чтобы не погубить себя перед зорко смотревшим на нас тюремщиком, мы боялись признаться в том, что мы — братья... Высокий юноша был Туган — мой младший брат, которого я потерял давно и не надеялся уже увидеть!..

Глядя на девушку и словно говоря с ней, Туган сказал:

— Слушай меня, праведник, проклятый имамами, и делай, что я говорю. Я принес три черных шарика. Ты их проглотить. Тогда твой разум улетит отсюда через горы в долину прохладных потоков и благоухающих цветов. Там пасутся белые как снег кони и поют человеческими голосами золотые птицы. Там ты встретишь девушку, которую любил в шестнадцать лет.

Я прервал юношу:

¹ И б л и с — дух зла в арабской мифологии, упоминаемый в Коране.

² У многих народов Востока число «девять» считается священным и счастливым.

— А потом, проснувшись, я буду снова грызть железные прутья клетки? Мне не надо такого сна!..

— Подожди спорить, неукротимый, и слушай дальше... Пока твой разум будет наслаждаться неомрачаемым забвением в горной долине белых коней, я скажу твоим тюремщикам, что ты умер. По законам веры, твоё тело немедленно предадут земле. Рабы-кузнецы сломают клетку, подцепят тело крючьями и поволокут в яму казненных. Как бы ни было больно, не закричи и не заплачь! Иначе тебе разобьют голову железной булавой... В полночь, когда ты будешь лежать в яме среди трупов и подползут собаки и шакалы, чтобы грызть тебе ноги, я буду ждать с тремя воинами. Мы завернем тебя в плащ и быстро донесем до нашего кочевья. Мы начнем колотить в бубны и медные котлы, петь песни и призывать твой разум из долины забвения. Клянусь, жизнь вернется в твоё тело, и ты очнешься. Тогда, вскочив на коня, ты уедешь далеко, в другие страны, где начнешь новую жизнь...»

Факих очнулся и прислушался. Ему почудился шорох за тонкой стеной хижины. Несколько мгновений он оставался неподвижен, потом снова стал писать:

«Случилось так, как говорил не знающий улыбки юноша. Благодаря смелой помощи я неожиданно оказался на свободе, измученный, истощенный, но живой. Несколько дней я пробыл у огнепоклонников в песчаной степи, а затем направился к городу Сыгнаку¹, где и начал вторую жизнь...»

¹ С ы г н а к — в XIII веке богатый торговый город на Сырдарье, первоначальная столица Джучиева улуса. Теперь от него остались только безлюдные холмы, ямы и несколько развалин арок и мавзолеев, говорящих о былом богатстве Сыгнака.

ГЛАВА 2

ГОСТЬ ИЗ МРАКА

Факих Хаджи Рахим снова остановился, осторожно положил на медный поднос тростинку для письма и провел ладонью по седеющей бороде. За тонкой стеной сквозь шум равномерно падающих капель ясно слышался шорох.

«Чьи могут быть шаги во мраке этой холодной осенней ночи? Только злой человек, толкаемый недобрым умыслом, станет бродить в сыром тумане...»

Глиняный светильник на связке старых книг освещал тусклым огоньком неровные закоптелые стены, старый ковер и изможденного неподвижного ученого. Лоскут пестрой материи, закрывавший узкое окошко, слегка заколебался.

Большой белый пес, свернувшийся у двери, навострил ухо и глухо заворчал. В окно просунулась смуглая рука и приподняла край занавески. Во мраке блеснули скошенные черные глаза.

— Кто здесь? — спросил Хаджи Рахим и опустил руку на голову вскочившей собаки. — Лежи, Акбай!

— Обогрей потерявшего дорогу! Дай просушить промокшую одежду! — Незнакомец говорил едва слышным шепотом.

«Он говорит, точно боится шума... — подумал факих. — Можно ли верить ему?»

— Я вижу у тебя книги... Не ты ли учитель Хаджи Рахим?

— Ты не ошибся — это я!

— Тогда скорее впусти меня! Тебе посылает саям великий визирь Мавераннагра Махмуд-Ялвач...

— Это имя откроет пришедшему дверь моей хижины, замкнутую для всех остальных.

Факих отодвинул деревянный засов, и незнакомец, нагнувшись, шагнул в дверь. Загорелый, коренастый, в одежде монгольского покроя, он выпрямился и огляделся. Хаджи Рахим, сдерживая рычащую собаку, наблюдал за пришедшим. Уверенность и властность чувствовались во всех его движениях. Он развязал пояс, снял верхнюю одежду и повесил ее на деревянный гвоздь. С трудом стащив желтые намокшие сапоги, ночной гость отбросил их в сторону и опустился на старый, истертый коврик близ потухающего очага. Затем так же спокойно, как будто у себя дома, он вытер мокрые руки об овчину лежавшей на ковре шубы.

— Надо потушить огонь! — Монгол зажал пальцами коптивший фитиль глиняной светильни. Стало совсем темно, только на месте занавески слегка засветилась прорезь окна.

— Зачем ты это сделал? — прошептал факих.

— За мною гонятся вооруженные люди, убийцы моего отца, — ответил шепотом монгол. — Они хотят прикончить и меня. Твое светящееся окно видно издали; поэтому, несмотря на темную ночь, я нашел тебя... Выгони собаку!

— Эта собака — мой единственный защитник...

— Прочь ее! Она рычит и поднимает шум на весь Сыгнак.

— Защитника не бойся!

— Собака будет ходить около дома и предупредит нас, если сюда подойдут подлые люди.

Факих, невольно повинувшись властному гостю, отворил дверь и вытолкнул лохматого пса в темноту. Хаджи Рахим остановился, колеблясь, не лучше ли убежать, но сильная рука потянула его обратно. Гость сам задвинул деревянный засов, не выпуская факиха, подвел его к коврику и вместе с ним опустился на колени. Он стал шептать

торопливо, прерывая речь и прислушиваясь, когда пес за тонкой стеной начинал ворчать:

— Не открывай засова. Они могут подскочить и будут караулить за дверь. Они предательски убили моего отца, переломив ему хребет, а я сварю их в котле живыми. Клянусь вечным синим небом, я это сделаю!.. Если ты попытаешься убежать отсюда, я тебя задушу!..

Незнакомец улегся на бок, что-то бормотал, но не выпускал руки хозяина, крепко сжимая ее горячими пальцами. Его трясла лихорадка. Вдруг он вскочил, прислушался и отошел к стене.

— Это они! — прошептал он. — Смерть меня догнала! Смотри не выдавай меня!

Снаружи донесся неистовый лай собаки. Кто-то подошел, слышались спорящие голоса. Сильный удар потряс стену.

— Эй, хозяин! Открывай дверь.

Хаджи Рахим ответил:

— Кто смеет ночью беспокоить писца окружного начальника?

— Открывай скорее, или мы в куски развалим твою берлогу! Мы ищем убежавшего преступника.

— Два дня я лежу больной, никто не пришел, чтобы разжечь очаг и согреть мне воды. Разыскивайте преступника в камышах, а не в доме мирного переписчика книг.

Грубые голоса продолжали спорить, кто-то стучал в дверь. Вдруг дикий крик, похожий на рев раненого зверя, покрыл шум. Послышались вопли и стоны. Они стали удаляться и замолкли. Хаджи Рахим хотел заговорить, но ладонь гостя зажала ему рот.

— Ты не знаешь, как они коварны, — шептал он на ухо. — Они все делают с умыслом. Одни ушли, чтобы спрятаться в засаде, а за дверь, возможно, подстерегают другие. Надо выждать и готовиться к бою.

Оба подошли к узкому окну, затаив дыхание, стараясь что-либо разглядеть во мраке ночи. Слышались невнятные шорохи, иногда сильнее шелестел по листьям мелкий дождь.

ГЛАВА 3

НЕМОЩЕН ЧЕЛОВЕК БЕЗ КОНЯ

Когда занавеска окна зарозовела от первых солнечных лучей, незнакомец натянул сапоги, осмотрел свой намокший синий чапан¹ и швырнул его в угол. Не спросив у хозяина согласия, он снял с деревянного гвоздя старый, выцветший плащ и с трудом натянул его на широкие плечи.

— Плохо мне без коня! Трудно будет ускользнуть... Быть может, выручит твой порванный плащ. Я притворюсь нищим...

Он подошел к двери и заглянул в щель. Резко отодвинулся и прижался к стене. Помедлив, сделал знак факи-ху, чтобы тот открыл дверь.

Послышался слабый стук. Хаджи Рахим отодвинул засов, и дверь распахнулась.

На пороге, в свете розовой зари, стояла, улыбаясь, девушка, почти девочка, в длинной, до пят, оранжевой рубашке, с голубыми бусами на смуглой шее. Она держала глиняный кувшин, прикрытый широким зеленым листом. На листе лежали три только что испеченные, подрумяненные лепешки.

— Ас-салям-алейкум, Хаджи Рахим! — сказала беззаботно девушка, и две веселые ямочки заиграли на ее щеках. — Мой почтенный благодетель Назар-Кяризек посылает тебе только что надоенное молоко, эти горячие лепешки и спрашивает, не нужно ли еще что-нибудь.

¹ Ч а п а н — длинная, ниже колен, верхняя одежда, кафтан.

Приняв кувшин со словами благодарности, Хаджи Рахим вышел вслед за девушкой из хижины. Кусты ежевики блестели, осыпанные каплями дождя. Старый пес Акбай сидел на дорожке, косясь налитыми кровью глазами.

На сырой траве лежал человек. Его прикрывал шерстяной серый плащ, какой носят арабы. Белый оседланный конь, привязанный на аркане, пощипывал невдалеке траву. Он нетерпеливо подымал маленькую голову с черными живыми глазами и встряхивал шелковистой гривой, отгоняя вьющихся слепней.

Факих вернулся в хижину. Ночной гость ждал у двери:

— Прощай, мой учитель Хаджи Рахим!

Факих удержал незнакомца за рукав:

— Возьми еды на дорогу!

— Неужели ты до сих пор не узнал меня? — спросил гость, пряча за пазуху горячие лепешки. — Десять лет назад ты учил меня держать калям¹ и писать трудные арабские слова. Я многое перезабыл, но два слова не забуду: «Джихан-гир» — покоритель вселенной... Скоро ты обо мне услышишь! Я пришлю за тобой...

Он остановился на пороге и с удивлением рассматривал девушку:

— Как зовут тебя? Откуда ты?

— Меня зовут Юлдуз². Я сирота, живу у Назара-Кяризека.

— Твой голос поет, как свирель. Ты будешь счастливой звездой на моем пути...

Он быстро шагнул через порог и увидел белого коня:

— Вот конь, посланный мне небом! Это будет конь моих побед, как белый Сэтэр, походный конь Чингисхана. Теперь я снова силен.

Мягкой, хищной походкой молодой монгол проскользнул по траве к белому коню, бесшумно выдержнул

¹ К а л я м — перо для письма, сделанное из тростника.

² Ю л д у з — звезда.

из земли железный прикол и, свернув кольцом аркан, легко поднялся в седло. Горячий конь бросился вскачь и скрылся за тополевой рощей.

Девушка смотрела удивленными глазами вслед незнакомцу, затем перевела блестящий взгляд на Хаджи Рахима. Тот стоял неподвижно, задумчиво положив руку на бороду.

— Это разбойник? — спросила девушка.

— Это необычайный человек!

— Почему? Ведь он похитил чужого коня?

— Он будет на нем покорять царства... Иди, звездочка Юлдуз, домой! Скажи почтенному Назару-Кяризеку, что больной факих благодарит и помнит его заботу и милость.

Девушка быстро повернулась и пробежала несколько шагов, затем степенно пошла по тропинке, стараясь держаться, как взрослая.

Серый плащ зашевелился. Старый пес, отскочив, хрипло залаял. Из-под плаща показалась голова юноши с черными вьющимися волосами. Он стремительно вскочил, поднял закрученный синий тюрбан и надвинул его на правую бровь. Это был воин, с кривой саблей и двумя кинжалами на поясе.

— Где мой конь? — закричал он и, подбежав к месту, где только что пасся белый жеребец, наклонился к земле, разглядывая следы. — Я узнаю: к коню подошел... человек в монгольских сапогах... Он украл моего боевого коня! К чему моя светлая сабля, если вор далеко!.. Без коня я немощен, как сокол с перебитыми крыльями! Какой я теперь воин! — И, схватившись за виски, юноша со стоном повалился на землю.

— Не горюй, — сказал, подходя, факих. — На твоём коне уехал человек, который даст тебе взамен тысячу кобылиц...

Юноша лежал неподвижно, а Хаджи Рахим утешал его:

— Поверь моим словам, ты ничего не потерял, а может быть, многое выиграл...

— Это был мой верный, испытанный друг!.. На нем я бросался в битву, и не раз он спасал меня от смерти. Горе воину без коня!

— Я знаю того, кто едет сейчас на твоём белом скакуне, и говорю, что твой конь к тебе вернется! Это так же верно, как то, что меня зовут факих Хаджи Рахим.

Юноша встал, резким движением подхватил с земли свой плащ и склонился перед ученым:

— Если я вижу перед собой прославленного знаниями факиха Хаджи Рахима, прозванного аль-Багдади, то я верю твоим словам. Да будут уют, простор и благодать в твоём доме! Я прошу милости и мудрого совета страннику, приехавшему из далеких гор Курдистана. Привет тебе от Джелаль эд-Дина¹, храбрейшего из героев!

— Юный брат мой! — сказал факих. — Ты прошел невредимо через пучины бедствий в страшные дни, когда потрясается вселенная, и принес мне слова приветов от далекого прославленного героя, — этим ты доставил мне двойную радость. Войди в мой скромный дом!

ГЛАВА 4

ТРОПА ЖИЗНИ ДЖИГИТА

Я привязал мою жизнь и мой век
К острию моего копья.

Поэма «Джангар»

Молодой воин вошел, пригнувшись, в узкую дверцу хижины и сел на пятки у самого входа. Хаджи Рахим опустился на старый коврик близ очага. Оба провели ладоня-

¹ Джелаль эд-Дин Менгбурны — талантливый полководец, сын последнего шаха Хорезма, всю жизнь упорно боролся с Чингисханом и монгольскими завоевателями (см. первую книгу трилогии «Чингисхан»).

ми по щекам, затем, как требует приличие, долго молчали, рассматривая друг друга.

Наконец с достоинством и грустью человека, видевшего на своем веку множество людей, факих соединил концы пальцев и сказал:

— Кто ты? Какого рода? Каким именем наградил тебя твой белобородый отец? В какой далекой стране ты впервые увидел свет солнца? Хотя ты и говоришь по-кипчакски, но движения твои и одежда показывают, что ты иноземец.

Воин, вежливо покашливая в руку, заговорил ровным, тихим голосом:

— Зовут меня Арапша, но мои боевые товарищи дали мне прозвище «Ан-Насир»¹, потому что в битве, говорят, я теряю разум, становлюсь злобным, бросаюсь в самые опасные схватки и обращаю врага в бегство... Хотя я сказал тебе, что зовут меня Арапша, но как прозвал меня мой почтенный отец и где я провел свое детство — клянусь! — я не знаю. Помню смутно, что жил я в лесу около озера, плавал с отцом в лодке и видел, как он высыпал из сетки в корзину много серебристых рыб. Помню, как тепло было лежать на руках у матери и слушать ее песни. Помню еще маленькую сестренку... Потом все это кончилось. Напали разбойники и увели меня и сестренку в большой город, где продали нас на парусный корабль. На корабле было очень много мальчиков и девочек. Корабельщики набили нас в трюм корабля и заперли вместе со стадом больших белых гусей. Гуси щипали и клевали нас. Корабль плыл по широкой реке, затем по морю. Корабельщики распродали детей на базаре. Я никогда больше ни с ними, ни с моей сестрой не встречался.

— Все это происходит из-за губительной страсти купцов к богатству. Слепленные блеском золота, жадные купцы захватили детей и бросили их в чужие города, где им

¹ А н - Н а с и р — победоносный (*араб.*).

придется влачить всю жизнь мучительное иго рабства! — вздохнул факих.

— Вероятно, я из какой-либо северной страны: мордвинов, саксинов или урусов, — продолжал Арапша, — потому что эти рабы, особенно урусы, славятся своей силой. А меня Аллах наградил большой крепостью. Я был продан на базаре невольников в Дербенте, где находятся кавказские Железные Ворота. Я переходил от одного хозяина к другому. Когда я подрос, меня заставляли исполнять самые трудные работы: вместе с ослом вертеть колесо для черпания воды из колодца, с колодкой на шее вскапывать засохшую, как камень, землю, таскать бревна. И небо в годы моего рабства казалось мне таким черным и сухим, как разрытая мною чужая земля!..

Хаджи Рахим с горечью сказал:

— Хозяин скорее пожалеет четвероногую скотину, чем одаренного разумом раба!

— Мне было семнадцать лет, когда тропинка моей жизни повернулась в другую сторону. Однажды я пас на склоне высокой обрывистой горы баранов моего господина, азербайджанского хана. Неожиданно над кручей показался отряд всадников. Впереди, на прекрасном вороном коне, ехал молодой воин. Вдруг размытая дождями земля осела под конем, и он покатился в пропасть. Извернувшись, как кошка, воин удержался за куст. Я бросил конец аркана и вытащил воина. Я сказал: «Я сумею спасти и твоего коня!» Витязь ответил: «Если ты спасешь моего вороного, можешь просить у меня все, что захочешь». Джигиты распустили два аркана, одним я обвязал себя вокруг пояса и сполз вниз по обрыву. Конь чудом удержался на самом краю пропасти и спокойно пощипывал траву. Злой жеребец зафыркал, когда я приблизился к нему, но я обмотал его арканом, и джигиты вытащили коня на тропинку. Мне было трудно лезть обратно, мне мешали оковы на ногах...

— Храбрый юноша! Небо хранило тебя! — воскликнул Хаджи Рахим.

— Воин стал расспрашивать меня о дороге. Я рассказал ему о всех тропах, предупредил его о местах, где обычно курды делают засады и нападают на проезжих, и посоветовал лучшую обходную дорогу. Тогда он спросил меня: «Что же ты теперь хочешь?» «Быть свободным!» — ответил я. Витязь сказал: «Следуй за мной, и ты мечом заслужишь себе славу!..» Воин оказался прославленным скитальцем Джелаль эд-Дином, который не боялся воевать с монголами и разбил их при Перване¹. С того дня я стал воином в его отряде. Джелаль эд-Дин дал мне кривую саблю и боевого коня, которого я сегодня потерял, бесстыдно заснувши! — И юноша снова застонал.

— Рассказывай дальше, конь к тебе вернется! — заметил факих.

— В тот день, когда я, свободный, на горячем коне, оказался в отряде славного Джелаль эд-Дина, я увидел, что небо надо мной не черное, а снова сияет, голубое, как бирюза, как в моем далеком детстве, когда я с отцом плывал на лодке по лесному озеру. И я понял тогда, что в мире нет ничего слаще свободы!.. Три года я всюду следовал за смелым полководцем, оберегая его в бою, и прославился как «Ан-Насир — победоносный». Джелаль эд-Дин говорил мне не раз, что он знал в поработанном монголами Хорезме одного ученого, факиха, самого светлого из светлых и доблестных людей, искателя правды, Хаджи Рахима, прозванного аль-Багдади. «Если, — сказал он, — на тебя надвинется черная туча беды, назови ему мое имя, и он протянет тебе руку милосердия...»

Хаджи Рахим встал, подошел к Арапше и протянул ему обе руки:

¹ Перван — город в северной части Афганистана, около которого Джелаль эд-Дин, начальствуя над тюркскими войсками, разбил более сильное войско монголов.